
ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

А. И. КОГАН

СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПАМИРО-ГИНДУКУШСКОГО РЕГИОНА

В статье делается попытка проследить процесс формирования одной из двух важнейших отраслей традиционной экономики горных народов Памира, Гиндукуша и Каракорума – мобильного скотоводства с вертикальным кочеванием. Примечательной особенностью этого способа хозяйствования в рассматриваемом регионе являются отсутствие профессиональных пастухов и участие в перекочевках практически всего населения. Автор показывает, что появление данной особенности едва ли возможно объяснить чисто экономическими или экологическими причинами, и приходит к выводу о том, что ее генезис стал результатом сложного взаимодействия факторов различной природы, среди которых важное место занимают исторические и психологические.

Ключевые слова: *социоестественная история, этническая экология, горные народы, история хозяйства, горное скотоводство, вертикальное кочевание, миграции ариев, Памиро-Гиндукушский регион.*

Памиро-Гиндукушский этнокультурный регион – принятое в ряде этнографических и лингвистических публикаций условное обозначение обширного ареала, расположенного на стыке величайших горных систем мира – Памира, Гиндукуша, Гималаев и Каракорума¹.

¹ Политически большая часть данного региона в настоящее время разделена между тремя государствами: Таджикистаном, Афганистаном и Пакистаном. Кроме того, он включает небольшие области, входящие в состав Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и двух союзных территорий Республики Индия: Джамму

Уже достаточно давно было замечено (Грюнберг, Стеблин-Каменский 1974), что этносы, населяющие этот ареал, обладают целым рядом общих черт материальной и духовной культуры. Достаточно близкими представляются также их хозяйственные системы. Более детальное изучение данного вопроса, предпринятое нами в недавнем исследовании (Коган 2019), позволило выявить у большей части народов региона общую систему правил взаимодействия с природной средой в процессе хозяйственной деятельности. Как показал в ряде своих работ Э. С. Кульпин (1996; 1999; 2014), подобная система, называемая также основной технологией или технологией основного хозяйственного процесса, всегда теснейшим образом связана с ментальностью и системой ценностей, разделяемой этническим коллективом, вследствие чего два последних феномена не могут быть поняты без изучения традиционного хозяйства. Наиболее плодотворным при этом оказывается исторический анализ конкретной технологии, рассмотрение условий и этапов ее формирования, распространения и утверждения в качестве господствующей². Ниже мы попытаемся проанализировать с подобных позиций хозяйственную систему Памиро-Гиндукушского региона, а точнее, одну ее примечательную и, на наш взгляд, весьма важную характеристику.

Как отмечалось в многочисленных исследованиях³, хозяйство рассматриваемого нами ареала включает две основные отрасли – пашенное, преимущественно орошаемое земледелие и отгонно-пастбищное скотоводство. Эти отрасли теснейшим образом взаимосвязаны и образуют единую систему, каждый из элементов которой не может существовать без другого: скотоводство поставляет необходимые для земледелия удобрения, в то время как земледелие

и Кашмир и Ладакх (до октября 2019 г. они составляли единый штат Джамму и Кашмир).

² Прекрасным примером такого анализа является проведенное Э. С. Кульпиным исследование технологии заливного рисоводства в Китае (Кульпин 1990).

³ Достаточно детальное описание традиционной экономики отдельных памиро-гиндукушских этносов, а также всего региона в целом, см., например, в работах (Андреев 1958; Бобринский 1908; Грюнберг 1996; Кислякова, Писарчик 1966; Мухиддинов 1984; Barth 1956; Biddulph 1880; Ehlers, Kreutzmann 2000; Jettmar 2001; Kreutzmann 2004; Kussmaul 1965; Nüsser *et al.* 2012; Snoy 1975; 1993).

обеспечивает скот зимними кормами⁴. Данная структура традиционной экономики не является отличительной особенностью Памиро-Гиндукушского региона. В той или иной мере она характерна для большинства гористых областей Евразии. Необходимость животноводства в условиях гор объясняется действием ряда природных факторов, главным из которых является низкое плодородие горных почв, вследствие которого земледелие оказывается невозможным без внесения удобрений. В качестве последних в доиндустриальную эпоху⁵ применялись главным образом экскременты жвачных животных.

Формы содержания скота в горных районах могут быть весьма различными. Выделяют несколько видов высокогорного скотоводства, к одному из которых – альпийскому – традиционно относят хозяйственные системы народов Памира, Гиндукуша и Каракорума. Альпийский тип хозяйства⁶, достаточно широко распространенный в Старом Свете, предполагает стойловое содержание животных в зимнее время и выпас их на горных пастбищах летом. В Памиро-Гиндукушском регионе данная модель распространена повсеместно, однако здесь она обладает одной чертой, резко отличающей ее от хозяйства многих других горных областей: выпас скота осуществляется не профессиональными пастухами, а всеми мужчинами селения⁷ в порядке очередности либо одновременно. При подобной организации труда земледелец и мобильный ското-

⁴ Для кормления скота в зимнее время используются как кормовые культуры (в рассматриваемом регионе – клевер и люцерна), так и побочные продукты земледелия: солома, отруби, мякина и т. д.

⁵ В Памиро-Гиндукушском ареале завершение доиндустриальной эпохи следует относить ко второй половине XX в. Именно с этого времени в регионе начинают распространяться современная агротехника, сельскохозяйственные машины и минеральные удобрения.

⁶ Данный термин впервые стал использоваться в немецкоязычной литературе, где он выглядит как *Alpwirtschaft* (буквально «альпийское хозяйство»). Первоначально его применяли для обозначения хозяйственных систем жителей альпийских стран.

⁷ Помимо взрослых мужчин в пастьбе обычно принимали участие подростки. Обработка молока на летних пастбищах часто закреплялась за женщинами. Таким образом, скотоводство и связанное с ним вертикальное кочевание охватывали практически все трудоспособное население, независимо от пола и возраста.

вод, совершающий вертикальные перекочевки, оказывается одним и тем же лицом⁸. Как уже отмечалось нами ранее (Коган 2019), данное обстоятельство подразумевает весьма специфические требования к работнику и уже в силу этого не может не отразиться на ментальности и системе ценностей.

Вопрос о генезисе указанной особенности разделения труда остается неисследованным и, как представляется, до сих пор не был четко поставлен. При этом, однако, можно с уверенностью сказать, что в данном случае мы вряд ли имеем дело с чисто экономическим феноменом. В селениях Памиро-Гиндукушского региона обычно имела прослойка ремесленников (кузнецов, плотников, мельников, цирюльников и т. д.), работавших за вознаграждение, и остается неясным, какие экономические факторы могли бы воспрепятствовать появлению также и профессиональных пастухов. Представляется маловероятным и то, что рассматриваемая модель была детерминирована экологическими условиями. Против этого свидетельствуют, в частности, примеры сосуществования разных типов разделения труда внутри одного тесного ареала. Такая ситуация была отмечена, например, в области Дарваз в западном Припамирье⁹, где обычной практикой была поочередная пастьба скота на летних пастбищах (*летовках*) всем взрослым мужским населением, однако в некоторых кишлаках использовался труд наемных пастухов (Кислякова, Писарчик 1966: 165).

⁸ Особняком в данном отношении стоит Нуристан – область, охватывающая ряд долин к югу от Главного Гиндукушского хребта. Для традиционного хозяйства этой области характерно чрезвычайно строгое разделение труда по половому признаку: скотоводство зарезервировано за мужчинами, а земледелие – за женщинами. Это разделение тесно связано с представлениями о ритуальной чистоте, в соответствии с которыми, например, прикосновение мужчины к плугу считается осквернением (Йеттмар 1986; Robertson 1896). Ясно, что при подобной хозяйственной системе скотовод и земледelec никоим образом не могут быть одним и тем же лицом. Данная особенность весьма резко отличает Нуристан от соседних горных районов, что дает основания рассматривать его как совершенно особый этнокультурный ареал (Коган 2019).

⁹ Ныне большая часть Дарваза входит в состав Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Приведенные ниже факты, заимствованные нами из работы (Кислякова, Писарчик 1966), характеризуют традиционное хозяйство данного района в период до коллективизации.

Загадочность исследуемому нами явлению придает еще один факт: перекочевка со скотом обладает для жителей Каракорума, Гиндукуша и Памира не только экономической, но также социальной, культурной и психологической значимостью. Начало подъема на летовку нередко отмечается как праздник и сопровождается исполнением особых обрядов. Пребывание на пастбищах воспринимается как счастливый период в жизни и всегда описывается в романтических тонах, а отношения между пастухами нередко воспринимаются как идеальная модель общественного устройства (Snoy 1993; Zarin, Schmidt 1984; Parkes 1987). Отправиться на выпас горячо желают все жители селения, включая даже немощных стариков. Последние, по свидетельству этнографов, нередко упрощают более молодых односельчан взять их с собой и нести на руках во время подъема (Snoy 1993)¹⁰. Весьма интересный в данном отношении пример был исследован и описан австрийским этнографом Карлом Йеттмаром в долине Тангир на севере Пакистана (Jettmar 1960). Хозяйство этой долины, по всей видимости, некогда пережило бурный подъем, связанный с распространением кукурузы. Возделывание данной высокоурожайной культуры позволило существенно увеличить производство продовольственного зерна и привело к появлению излишков. Эти излишки были использованы для оплаты труда наемной рабочей силы, мигрировавшей в Тангир из соседних менее благополучных долин. В конечном итоге земле-

¹⁰ Следует отметить, что в последние годы традиционный хозяйственный уклад и связанное с ним мировоззрение претерпевают радикальную трансформацию. Существенное улучшение транспортной сети и активизация связей с внешним миром в течение трех прошедших десятилетий привели к резким изменениям в экономической системе и структуре занятости населения значительной части Памиро-Гиндукушского региона, прежде всего входящих в состав Пакистана районов Каракорума и Восточного Гиндукуша. Эти изменения проявились, в частности, в массовом уходе молодежи в несельскохозяйственные виды деятельности и привели к падению престижа занятия животноводством. Последнее, как отмечают исследователи (Kreutzmann 2004), теперь нередко становится прерогативой представителей старшего поколения. Подобное положение вещей резко контрастирует с господствовавшими еще в недавнем прошлом представлениями, согласно которым пастба скота и пребывание на прохладных горных пастбищах считались своеобразной привилегией сыновей (*Ibid.*).

дельческие работы были большей частью возложены на трудовых мигрантов, в то время как местное население стало заниматься почти исключительно скотоводством. Как отмечает К. Йеттмар, восемь месяцев в году тангирцы ухаживали за скотом в долине, а четыре месяца проводили всей семьей на горных пастбищах (Jettmar 1960).

Данную трансформацию ученый связывал с прекращением междоусобных войн и набегов, благодаря чему стало возможным безопасное пребывание на летовках женщин и детей (*Ibid.*). Кроме того, он полагал, что массовый характер перекочевок мог быть связан с неблагоприятными погодными условиями в долине, характеризующимися высокими температурами и обилием кровососущих насекомых в летний сезон (*Ibid.*). Нужно отметить, что последнее обстоятельство едва ли могло играть решающую роль: если население Тангира действительно получило возможность массово переселяться на летовки лишь в недавнее время, а до того вынуждено было большей частью проводить лето в жаркой долине¹¹, это давно должно было привести к климатической адаптации тангирцев, и жара, так досаждавшая европейским исследователям, вряд ли была бы столь же невыносимой для местных жителей¹². Фактор безопасности, несомненно, следует считать весьма важным, поскольку многие летние пастбища достаточно легко доступны из нескольких долин, что при враждебных отношениях с соседями делало пребывающих на них людей, в особенности детей, стариков и женщин, легкой добычей для врага. Необходимо, однако, иметь в виду, что мы не знаем, когда именно в регионе сложилась обстановка частых междоусобиц, засвидетельствованная, например, для XIX в., и, соответственно, не можем сказать, оправдана ли экстраполяция подобного положения вещей в более далекое прошлое. Поэтому считать переселение на пастбища целыми семьями относительно не-

¹¹ По сообщению К. Йеттмара, в прошлом на летовки поднимались только пастухи-мужчины (Jettmar 1960).

¹² Впрочем, избежать губительных последствий сильной жары, по всей видимости, можно было и без длительной акклиматизации. По словам информантов Йеттмара, в старину селения располагались на склонах гор или в более высоких частях долин, где климат более благоприятен и не столь жарок (*Ibid.*).

давним новшеством нет особых оснований. Нельзя исключить, что данная практика существовала с очень давнего времени, но на какой-то период временно исчезала вследствие участвовавших вооруженных конфликтов.

Как бы то ни было, трудно признать убедительным объяснение конкретных изменений в жизненном укладе одной только политической стабилизацией. Когда люди получают возможность жить в условиях мира, перед ними обычно открывается не одна, а целый спектр потенциальных возможностей дальнейшей организации жизни. Выбор же той или иной возможности из спектра не может не определяться во многом господствующими в данном человеческом коллективе представлениями об оптимальном способе общежития. Таким образом, одну из важнейших причин произошедших в Тангире изменений, несомненно, следует искать в сфере коллективной психологии.

Нельзя исключить, что сказанное выше верно не только для долины Тангир, но и для Памиро-Гиндукушского региона в целом. Массовое участие в вертикальном кочевании вполне могло ощущаться, причем как сознательно, так и, вероятно, на уровне коллективного бессознательного, как чрезвычайно важная неотъемлемая часть оптимального образа жизни. В этом случае исследуемая нами технология должна была сложиться в результате совместного действия целого ряда разнородных факторов, важное место среди которых занимали психологические. Проверить данную гипотезу можно, только обратившись к истории взаимодействия человека и природы в рассматриваемом ареале, а точнее, попытавшись проследить процесс формирования нынешних принципов такого взаимодействия. Необходимой предпосылкой для успеха подобного исследования является наличие знаний об истории заселения региона и формировании его современного этнического состава. Сразу следует сказать, что получение таких знаний сопряжено с рядом трудностей, главной из которых является недостаток известных нам исторических фактов. Традиции летописания у памиро-гиндукушских народов либо отсутствуют, либо возникли в относительно недавнее время. У многих этнических групп, впрочем, имеется бо-

гатый исторический фольклор, однако вопрос о достоверности фольклорных сведений все еще ждет своего изучения, непременным условием чего является привлечение действительно надежных источников. Наибольшей надежностью на сегодняшний день, несомненно, обладают данные археологии и сравнительного языкознания.

Современное население долин Памира, Гиндукуша и Каракорума чрезвычайно пестро в этническом и языковом отношении. Не подлежит сомнению, что важнейшую роль в его формировании играли миграции, имевшие место в разное время и протекавшие в разных направлениях. Пролить свет на эти процессы в немалой степени позволяют языковые данные. Из нескольких десятков языков, распространенных в регионе, подавляющее большинство принадлежит к арийской группе индоевропейской языковой семьи. Арийская языковая общность, называвшаяся в прошлом также индоиранской, долгое время считалась состоящей из двух подгрупп – иранской и индоарийской. Однако недавние исследования¹³ показали неполноту данной классификации и необходимость выделения большего числа ветвей, а именно четырех – индоарийской, иранской, дардской и нуристанской. Две последние из названных ветвей представлены исключительно в Памиро-Гиндукушском регионе и на смежных территориях¹⁴. Памир является ареалом распространения ряда иранских языков, не встречающихся нигде за его пределами. Эти факты ясно указывают на активное участие различных групп древних ариев в этногенезе памиро-гиндукушских народов.

Из неарийских (и неиндоевропейских) языков на исследуемой территории присутствует ряд диалектов тибетского¹⁵, а также язык

¹³ См., например (Коган 2005).

¹⁴ Нуристанские языки распространены прежде всего в упомянутой выше области Нуристан. Интересно, впрочем, отметить, что языковой ареал в данном случае, по-видимому, не вполне совпадает с этнокультурным. Большую близость к нуристанцам во многих важнейших аспектах культуры и хозяйства обнаруживает народность *калаши*, говорящая на одном из дардских языков.

¹⁵ Группа северо-западных диалектов тибетского языка распространена в долинах центрального и восточного Каракорума. В литературе эти диалекты часто

бурушаски. Место последнего в генетической классификации языков мира до сих пор неясно и является предметом гипотез. Во многом в силу этого о далеком прошлом носителей бурушаски пока не представляется возможным сказать что-либо с уверенностью. Что же касается тибетских диалектов, то их распространение, несомненно, относится к относительно позднему времени – к эпохе Средневековья¹⁶. Примечательно, что использующие их жители каракорумских долин в физико-антропологическом отношении, а также в плане культуры и хозяйства резко отличаются от прочих тибетцев и сближаются с соседями, говорящими на дардских языках и бурушаски. Это дает основание полагать, что тибетская иммиграция в регион не была массовой и привела лишь к смене языка, в то время как культура и расовый тип остались во многом прежними. В подобных условиях тибетоязычные переселенцы должны были усвоить у местного населения многие культурные особенности, в том числе и традиционную модель экономики. В дальнейшем эта модель могла претерпеть определенные изменения под влиянием хозяйственных навыков тибетцев¹⁷, однако в целом тибетский этнический компонент, вероятнее всего, сыграл в ее формировании гораздо меньшую роль, нежели арийский. Важность последнего представляется нам первостепенной уже хотя бы в силу численного преобладания в регионе арийских языков. При этом именно миграции ариев и их последствия являются тем аспектом этнической истории Памиро-Гиндукушского ареала, для изучения которого в распоряжении ученых имеется наибольшее количество данных.

Результаты исследований археологов позволяют предположить, что наиболее вероятной областью распространения и последующей

объединяют под общим названием *балти*, а область их распространения называют *Балтистаном*.

¹⁶ Первое появление тибетцев в районе Каракорума засвидетельствовано историческими источниками и датируется VIII в. н. э. Окончательная языковая ассимиляция местного дотибетского населения, разумеется, должна была иметь место в еще более позднее время.

¹⁷ В этой связи интересно, что, например, хозяйство Балтистана отличается более широким в сравнении с соседними областями использованием яков. Последние, как известно, играют важнейшую роль в традиционной экономике тибетцев.

дивергенции арийской этнической и языковой общности были степи Нижнего Поволжья, Южного Урала, современного Казахстана и севера Средней Азии. С ариями нередко связывают охватывавшую эти районы в эпоху бронзы андроновскую культурно-историческую общность (Кузьмина 2008).

Данная общность представляет собой группу весьма близких между собой археологических культур, которые в ранний период своего существования (начало 2-го тыс. до н. э.), возможно, принадлежали арийским племенам накануне их окончательного разделения, а в поздний (X–IX вв. до н. э.) – этническим группам, относившимся к одной из уже разошедшихся ветвей ариев – иранской¹⁸. Данные археологии указывают также на имевшие место в разные эпохи переселения носителей андроновской культуры и их ближайших потомков в южном направлении. Некоторые миграционные потоки были направлены в интересующий нас ареал. К числу наиболее ранних из них, по всей видимости, относится миграция в долину р. Сват на северо-западе нынешнего Пакистана. В этой области, расположенной на южной окраине Памиро-Гиндукушского региона, для середины 2-го тыс. до н. э. археологически фиксируется смена культурной традиции, связываемая обычно с прибытием иммигрантов (Стакуль 1993; Stacul 1969; Tucci 1977). Новая культура, характеризующаяся, в частности, особым типом захоронений, обнаруживает генетические связи с андроновской общностью (Кузьмина 2008)¹⁹.

Для первой половины 1-го тыс. до н. э. предполагается начальный этап миграции из нынешних Южного Казахстана и Киргизии на Восточный, а затем на Южный Памир (Литвинский 1972). Этот процесс обычно интерпретируют как переселение племен саков,

¹⁸ Археологические данные позволяют довольно четко проследить этническую преемственность между некоторыми группами андроновцев и ираноязычными кочевыми племенами саков, населявшими в 1-м тыс. до н. э. нынешний Казахстан и частично Среднюю Азию (Кузьмина 2008).

¹⁹ Впрочем, отдельные элементы данной культуры (украшения, частично керамика) роднят ее с культурой Бишкент на юге Средней Азии. Появление таких элементов объясняют контактами между бишкентцами и мигрировавшими на юг андроновцами или даже включением части первых в состав последних (Там же).

происхождение которых, как уже говорилось, связывают с отдельными группами андроновцев. Представляется несомненным, что и в Свате, и на Южном Памире²⁰ мигранты должны были столкнуться с резкой сменой вмещающего ландшафта. В подобных условиях практически неизбежным становится радикальное изменение типа хозяйства. Как происходила его трансформация в гиндукушских, каракорумских и памирских долинах? Для ответа на этот вопрос необходимо обладать представлением о традиционной экономике арийских племен до начала их массового движения на юг.

Такое представление с достаточной степенью надежности позволяет получить сопоставление археологических данных с рядом сведений, содержащихся в древнейших памятниках индийской и иранской словесности – Ригведе и Авесте. Из восстановленной таким образом картины явствует, что древние арии являлись пастушескими племенами, основным занятием которых было полукочевое скотоводство в сочетании с земледелием (Бонгард-Левин, Грантовский 1983; Кузьмина 2008). Последнее, по всей видимости, носило подсобный характер. Основой экономики было разведение крупного рогатого скота, считавшегося главным мерилем богатства²¹. Весьма важную роль играло также коневодство²². Многие навыки и технические изобретения, связанные с последним, были заимствованы у арийских племен целым рядом народов Евразии.

Описанный выше хозяйственно-культурный тип, несомненно, сохранялся почти без изменений и в первое время после распада

²⁰ Восточный Памир, в ландшафтном отношении представляющий собой нагорье, в отличие от Западного и Южного Памира, характеризуется природными условиями, пригодными для кочевого скотоводства. Поэтому мигранты, прибывавшие в эту область из центральноазиатских степей, не сталкивались с острой необходимостью смены занятий. Последнюю по времени волну переселенцев-степняков представляют киргизы, появившиеся на востоке нынешней Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана в XVI в. и вплоть до XX в. сохранявшие кочевой образ жизни.

²¹ Представление о количестве скота как о мериле богатства и главном показателе статуса человека в социальной иерархии считается рядом исследователей одной из важнейших отличительных черт скотоводческого общества. См., например (Goldschmidt 1979).

²² С широким распространением и большой важностью коневодства, возможно, связано существование у древних ариев культа коня.

арийской общности у древнейших индоариев (Елизаренкова 1999; Rau 1977) и ранних иранцев (Грантовский 1998). Из этого следует, что практиковать его было возможно не только на степной прародине ариев, но и в более южных районах – на равнинах Средней Азии, Иранском нагорье и северо-западной оконечности Индо-Гангской равнины. Весьма показательно, что некоторые его важнейшие черты отмечаются археологами в связи с предполагаемыми наиболее ранними арийскими миграциями в Памиро-Гиндукушский ареал. Так, итальянский исследователь С. Туза, проводивший раскопки многослойного поселения близ деревни Алиграма в среднем течении р. Сват, характеризует образ жизни обитателей этого поселения в XVI–XV вв. до н. э. как полуоседлый (Туза 1993). Для более поздних веков он отмечает значительный рост населения и заметные изменения в типе жилища. Эти изменения расцениваются им как процесс перехода к оседлости. Не исключено, однако, что в данном случае следует говорить скорее о формировании альпийского типа хозяйства в его специфичной для рассматриваемого региона разновидности (см. выше). В данной связи важно отметить, что на протяжении всего существования поселения, то есть более 1,5 тыс. лет, скотоводство наряду с земледелием оставалось одной из главных отраслей местной экономики, а с началом периода своего расцвета Алиграма, по словам С. Тузы, «принимает пропорции большой агро-пастушеской деревни» (Там же: 128–129). В целом для долины Свата вторая половина 2-го тыс. до н. э. считается периодом, когда важность животноводства значительно возросла в сравнении с предшествующей эпохой. Археологические данные дают основание полагать, что практиковавшееся ранее кормление скота зерном, соломой и сеном во многом уступило место эксплуатации горных пастбищ (Olivieri *et al.* 2006).

Данное изменение, по всей видимости, на много веков вперед определило важнейшие особенности местной экономики. О весьма значительной роли в последней отгонно-пастбищного скотоводства косвенно свидетельствуют некоторые сообщения письменных источников более позднего времени. Так, античный историк Арриан в своем описании походов Александра Македонского рассказывает, что во время боевых действий против племен *аспациев*, *ассакенов* и

гуреев, обитавших в горной местности у северо-западных границ Индии, македонским войском было захвачено 230 тыс. голов скота, из которого по приказу Александра были отобраны самые крупные и красивые животные для отправки в Македонию (Арриан 1962: 156). Область расселения аспасиев, ассакенов и гуреев охватывала долину Свата и смежные территории (Tucci 1977; Jettmar 1995). Указание Арриана рассматривается К. Йеттмаром как аргумент в пользу распространения в регионе *трансюманса* – типа скотоводства, предполагавшего выпас скота на зимних равнинных и летних горных пастбищах (Jettmar 1995). Нужно отметить, что несомненных свидетельств в пользу именно такой модели мы в данном случае не видим: ничто не мешает предположить стойловое содержание животных в зимний сезон. Вместе с тем следует согласиться с Йеттмаром в том, что сообщение Арриана, если оно отражает реальное положение вещей, действительно следует считать достаточно надежным свидетельством использования жителями Свата горных пастбищ. В условиях значительного дефицита земли содержать большое количество скота в долине круглый год, сочетая придомный выпас и земледелие, было попросту невозможным.

Как уже говорилось, миграция арийских народов в Памиро-Гиндукушский регион продолжилась и в 1-м тыс. до н. э. В этот период основную часть переселенцев составляли среднеазиатские саки, главным занятием которых было уже не полукочевое, а кочевое скотоводство (Литвинский 1972)²³. Сакские миграционные волны, по-видимому, иногда достигали верховий Инда. На это указывают некоторые археологические находки, в частности статуэтки животных, выполненные в характерной для саков и близкородственных им скифов манере – так называемом скифском зверином стиле (Йеттмар 1986).

Все сказанное выше позволяет указать одно из важнейших следствий иммиграции различных групп ариев в Памиро-Гинду-

²³ Кочевое скотоводство в степях Евразии начинает складываться на рубеже 2-го и 1-го тыс. до н. э. и постепенно вытесняет господствовавшее здесь прежде комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. В числе важных факторов, обусловивших этот процесс, было появление всадничества (Кузьмина 2008).

кушский ареал. Этот процесс должен был привести к появлению и дальнейшей концентрации в регионе больших масс населения, практикующего мобильное скотоводство. Как говорилось выше, смена вмещающего ландшафта со степного на горный должна была сделать невозможным сохранение этим населением своей прежней хозяйственной системы в неизменном виде. Прежде всего неизбежной стала смена горизонтального кочевания вертикальным. Это предполагало овладение мигрантами и их потомками целым рядом знаний и навыков, позволяющих максимально эффективно использовать ресурсы различных высотных поясов²⁴. Изменения не могли не коснуться и состава стада. Овцы и козы, великолепно приспособленные к экологическим условиям высокогорья, должны были занять в нем гораздо более важное в сравнении с прошлой эпохой место, следствием чего, несомненно, было некоторое снижение доли крупного рогатого скота.

Отсутствие в большей части региона обширных зимних пастбищ означало необходимость стойлового содержания скота зимой, что, безусловно, увеличивало важность растениеводства, превращая его, помимо всего прочего, в фактически единственный источник зимних кормов. Еще более мощным фактором, способствовавшим повышению роли земледелия, по всей видимости, была обусловленная горным рельефом труднодоступность рассматриваемого ареала. В итоге была существенно ограничена возможность импорта жизненно необходимой для человека земледельческой продукции из аграрных областей на равнинах²⁵. Вследствие затрудненности коммуникаций такой импорт даже в тех случаях, когда он был возможен, едва ли мог принимать масштабы, достаточные для удовлетворения потребностей населения в продоволь-

²⁴ Не исключено, впрочем, что некоторыми из этих знаний и навыков часть ариев овладела еще до переселения в Памиро-Гиндукушский регион. По мнению Е. Е. Кузьминой, вертикальное кочевание в определенной степени освоили уже андроновцы, точнее, их отдельные локальные группы, о чем свидетельствуют, например, результаты археологических раскопок в Семиречье и на Тянь-Шане (Кузьмина 2008).

²⁵ Похожая модель, как известно, практиковалась степными кочевниками, получавшими продукты земледелия у оседлых соседей путем обмена или грабежа.

ственном зерне. В подобных условиях у жителей региона не оставалось иного выбора, кроме как наладить производство растительной пищи в своих долинах. Это, как и в случае со скотоводством, естественным образом требовало усложнения технологических процессов, освоения либо усовершенствования целого ряда методов ведения хозяйства, например, навозного удобрения или ирригации с использованием талой ледниковой воды. Горные почвы требовали особой технологии вспашки и особой конструкции сельскохозяйственных орудий²⁶. Совершенно новым для бывших степняков вызовом должен был стать острый дефицит земельных ресурсов. Ответом на него было использование под поля и сады всей пригодной для обработки земли, что, в свою очередь, требовало строгой координации скотоводческого цикла с циклом земледельческих работ. В рамках этой координации выгон животных на горные пастбища должен был осуществляться до появления первых всходов, поскольку после этого срока пребывание скота в долине могло повлечь потраву посевов.

Представляется несомненным, что последствия смены вмещающего ландшафта не ограничивались только экономической и технологической сферами. Радикальное во многих отношениях изменение методов хозяйствования, требующее усвоения новых знаний и умений, неминуемо влечет необходимость перестройки системы общественного устройства и, по крайней мере, частичной трансформации прежней системы представлений о мире и о себе.

Данный процесс, всегда предполагающий разрушение некоторых укоренившихся стереотипов поведения, не может протекать безболезненно, причем как для этноса, так и для индивида. Последний в подобной ситуации нередко испытывает стресс. Психологическое неблагополучие должно было, в особенности на первых порах, сопровождаться неблагополучием физиологическим. Недав-

²⁶ Подробное описание того и другого у народов Западного и Южного Памира см. в диссертации И. Мухиддинова (1984). Нельзя исключить, что многие навыки земледелия были заимствованы мигрантами-ариями у местного доарийского населения. Представители же последнего, в частности носители языка бурушаски, в свою очередь могли усвоить у пришельцев более продуктивную технологию скотоводства.

ним жителям равнин приходилось приспосабливаться к природным условиям гор: повышенному уровню солнечной радиации, пониженному атмосферному давлению, а на больших высотах и к недостатку кислорода. Климатическая адаптация требует времени. В течение этого времени организм, максимально мобилизующий свои регуляторные и адаптивные возможности, пребывает в напряженном состоянии, что не может не сказаться отрицательно на здоровье человека.

Есть все основания полагать, что взаимодействие физиологических и психологических факторов носило в описанной ситуации синергичный характер. Многолетние исследования влияния экологии на состояние человеческого организма привели к появлению понятия антропоэкологического напряжения²⁷. Антропоэкологическое напряжение возникает как следствие воздействия изменившихся, в том числе в результате миграции, экологических условий и может проявляться как на индивидуальном, так и на популяционном уровне. На индивидуальном уровне оно характеризуется как «промежуточное состояние между здоровьем и болезнью» (Казначеев 1983: 141). Подобное состояние постепенно приводит к утомлению организма, истощению его ресурсов. Возникновение напряжения и утомления у каждого члена популяции вызывает антропоэкологическое напряжение и утомление популяции в целом, которое, однажды начавшись, в дальнейшем протекает как саморазвивающийся процесс (Там же: 142–143). Последствия этого процесса могут ощущаться в течение как одного, так и целого ряда поколений (Там же: 143). Само популяционное напряжение представляет собой результат совокупного действия различных механизмов, среди которых наряду с климатическими, иммунологическими и целым рядом других важнейшее место занимают социально-психологические (Там же: 145).

Едва ли можно сомневаться в том, что арийские популяции, по не вполне ясным нам сегодня причинам мигрировавшие в долины Памира, Гиндукуша и Каракорума, должны были испытать антропоэкологическое напряжение. Ясно также, что вызываемое послед-

²⁷ Термин был введен В. П. Казначеевым (см., например: Казначеев 1983).

ним состояние длительного физиологического и эмоционального дискомфорта, к тому же усугубленное неизбежным при смене хозяйственного уклада падением уровня жизни, должно было восприниматься, в том числе и на уровне коллективного бессознательного, как аномальное и требующее скорейшего преодоления. В подобных условиях наиболее естественной реакцией человеческого коллектива является интенсивный поиск путей выхода из сложившейся кризисной ситуации.

Этому поиску, однако, не может не противостоять иная, консервативная тенденция. Она заключается в подсознательном стремлении представителей этноса-мигранта в максимальной степени сохранить привычный образ жизни и мировоззрение, приспособив то и другое к условиям новой родины. Оптимальное разрешение кризиса включает в себя нахождение компромисса между этими двумя в чем-то противоположными устремлениями. Как именно происходил поиск этого компромисса в Памиро-Гиндукушском регионе? Получить исчерпывающий ответ на данный вопрос, по-видимому, невозможно по причине практически полного отсутствия необходимых для этого сведений из нарративных источников. Вместе с тем имеются отдельные факты и надежно обоснованные теоретические положения, делающие, на наш взгляд, возможной реконструкцию некоторых важных аспектов протекавших в рассматриваемом ареале трансформаций.

Степное скотоводческое хозяйство возможно только при обилии земельных ресурсов и низкой плотности населения. В подобных условиях жизнь на обширных открытых пространствах, «на просторе» становится для степняка привычной и естественной, в то время как теснота и скученность в любых проявлениях воспринимаются как неприемлемые. В случае с древними ариями и их непосредственными потомками данное обстоятельство, возможно, нашло отражение даже в языке. В санскрите и древнейшем из засвидетельствованных иранских языков – авестийском – слово со значением «несчастье, беда» (санскр. *aṃhas*, авест. *qzah*) имеет также значение «узость, теснота» и связано этимологически с прилагатель-

тельным «узкий, тесный» (санскр. *amhu*)²⁸. Согласно одной из гипотез, древнеиндийское название ада (*naraka*) тоже имело первоначальное значение «тесный, узкий» (Абаев 1973: 156–157; Mayrhofer 1963: 138).

Занятие скотоводством, несомненно, должно было наложить определенный отпечаток на социальную структуру древних ариев и, в частности, на место в ней отдельной личности. Американский социальный антрополог У. Голдшмидт убедительно показал, что индивид в скотоводческих обществах обладает значительной независимостью, причиной чему является, в частности, то обстоятельство, что выпас скота, уход за ним и его охрана предполагает множество ситуаций, требующих принятия независимых и спонтанных решений (Goldschmidt 1971; 1979)²⁹. Не исключено, что с высокой степенью индивидуальной свободы не в последнюю очередь связан достаточно демократичный характер власти у пастушеских этносов, при котором возможность удержать бразды правления напрямую зависит от способности прислушиваться к чаяниям подданных. Данную особенность общественного устройства на примере кочевников раннесредневековой Центральной Азии ярко и точно описал Л. Н. Гумилев: «Покорность в степи – понятие взаимобязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных, и головы» (Гумилев 1967: 27–28).

Сохранение значительной личной независимости, по-видимому, не было особенно трудной задачей на редко заселенной территории при отсутствии острого дефицита ресурсов. Есть основания полагать, что именно такими были условия проживания арийских племен на их степной прародине. В ходе массовых миграций на юг ситуация должна была постепенно меняться. Если во время расселения по низменностям Средней Азии, Ирану и северо-западу Индо-Гангской равнины традиционное мировоззрение могло оста-

²⁸ Данное санскритское слово имеет надежную индоевропейскую этимологию и является родственным русскому прилагательному «узкий».

²⁹ У. Голдшмидт указывает, что поведение скотовода в данном аспекте сходно с поведением независимого предпринимателя (Goldschmidt 1971).

ваться почти неизменным в ситуации сохранения прежнего образа жизни, то с переселением части ариев в высокогорные области ни первое, ни второе не могло избежать достаточно радикальной ломки. Проживание в узких долинах, значительную часть земли в которых было необходимо отвести под сельхозугодья, делало неизбежной большую скученность населения – ту самую тесноту, которая воспринималась (видимо, даже подсознательно) как невыносимый дискомфорт. Степень индивидуальной свободы в подобных условиях, несомненно, снизилась в сравнении с той, которой обладал мобильный скотовод на равнине, причем даже эта ограниченная свобода больше не давалась даром, ее приходилось добиваться ценой немалых усилий. Перенаселение и существенное уменьшение автономии индивида, по всей видимости, во многом и составляли социально-психологический компонент антропоэкологического напряжения арийских популяций в Памиро-Гиндукушском регионе. Поиск путей снятия этого напряжения мог производиться только методом проб и ошибок, а каждое верное решение должно было даваться с немалым трудом и в силу этого занимать весьма важное место в формирующейся новой системе ценностей.

Необходимо, однако, отметить, что некоторые черты безальтернативной в рассматриваемом ареале смешанной земледельческо-скотоводческой хозяйственной системы сами по себе могли способствовать успешной адаптации бывших степняков-полукочевников. В частности, выгон скота на значительную часть года на горные пастбища давал возможность существенным образом смягчить проблему перенаселенности. Действительно, даже при массовом участии в перекочевках уровень людности на пастбищах в разы ниже, чем в долинах, а условия проживания там во многих отношениях напоминают таковые в степи. Как и в степи, сохранность и благополучие скота зависели главным образом от спонтанных решений и действий пастуха. Последний был избавлен от необходимости участия во внутридеревенских делах и легко мог удовлетворить свою потребность в уединении³⁰. Таким образом, во время

³⁰ При этом для некоторых этнических групп, в частности для калашей, отмечается, что между пастухами устанавливаются близкие дружеские отношения.

выпаса в полную силу действовали важные факторы, обеспечивавшие сохранение большой индивидуальной свободы, в то время как ограничители автономии личности, характерные для жизни в селении, в значительной своей части либо исчезали, либо максимально ослабевали.

Наличие возможности на продолжительное время выйти из некомфортной обстановки скученности и перейти к гораздо более комфортному проживанию на открытых пространствах должно было приобрести в глазах жителей горных долин огромную важность. Совершенно очевидно, что такая возможность вполне укладывалась в русло упомянутой выше тенденции, заключающейся в стремлении мигранта минимизировать изменения в образе жизни. Фактически мобильное скотоводство с вертикальным кочеванием в качестве занятия всего (или основной массы) населения представляло собой один из важнейших возможных компромиссов между необходимостью приспособления к новым экологическим условиям и, бесспорно, существовавшими консервативными психологическими устремлениями. Это обстоятельство не могло не сыграть и, по всей видимости, сыграло решающую роль в формировании традиционной экономики и уклада жизни в Памиро-Гиндукушском регионе.

Данная гипотеза, вне всякого сомнения, позволяет вплотную подойти к ответу на вопрос об истоках интересующей нас особенности разделения труда у горцев Гиндукуша, Памира и Каракорума. Из всего сказанного выше нельзя не сделать вывод, что адаптация ариев в высокогорных областях должна была происходить в обстановке комплексного социально-экологического кризиса, затронувшего систему взаимоотношений человека и природы, экономику, общественные отношения и идеологию³¹. Как показал в своих

Царящий на летовках дух дружбы, сотрудничества и равенства резко контрастирует с жизнью в селении, для которой характерно частое соперничество между домохозяйствами и внутри них, иногда, например при разделе земли, принимающее форму острых конфликтов (Parkes 1987).

³¹ Интересной темой для будущих исследований представляется влияние социально-экологического кризиса на возникновение и дальнейшее развитие популяционного антропоэкологического напряжения. Можно предположить, что влия-

исследованиях Э. С. Кульпин, успешный выход из подобного кризиса означает переход к социально-экологической стабильности – относительно равновесному состоянию динамической системы «неживая природа – живая природа – общество», при котором она функционирует по принципам, найденным стихийно в ходе борьбы с кризисом (Кульпин 1996; 2014). Принципы эти принимаются человеческим коллективом (этносом, суперэтносом) на уровне коллективного бессознательного в качестве оптимальных. Участие всего (или почти всего) населения в вертикальном кочевании должно было явиться одним из подобных принципов и в силу этого закрепиться как неотъемлемая часть образа жизни и хозяйственно-культурного типа памиро-гиндукушских народов на многие века вплоть до новейшего времени.

В рамках предложенной нами схемы находят свое объяснение и случаи сосуществования в близком соседстве скотоводческих общин, имеющих в своем составе профессиональных пастухов и не имеющих таковых. Подобная картина наблюдается исключительно на границах Памиро-Гиндукушского региона в зонах этнических контактов. Одной из сторон в этих контактах являются представители этносов, исторически проживавших (а большей частью проживающих и сейчас) на равнине и не практиковавших мобильное скотоводство. Наглядный пример ситуации такого рода обнаруживается в упомянутой выше области Дарваз в таджикском Бадахшане. Жители этой области в хозяйственном и культурном отношении весьма близки к западным памирцам, однако в отличие от последних говорят на диалектах таджикского языка. Считается установленным, что эти диалекты распространились в Дарвазе вследствие миграций с равнин в средние века, вытеснив местный язык, относившийся к восточноиранской подгруппе и близкородственный языкам Западного Памира (Кислякова, Писарчик 1966:

ние в данном случае является обоюдным: социально-экологический кризис, всегда предполагающий изменение экологических условий, вызывает антропоэкологическое напряжение, а это последнее в свою очередь является своеобразным раздражителем, стимулирующим интенсивный поиск этносом выхода из кризисной ситуации.

50–51, 76). Расселение таджикоязычных мигрантов должно было сопровождаться интенсивной метисацией с дотаджикским населением и неизбежным заимствованием у последнего ряда черт хозяйства. Однако эти черты, вероятно, не включали выпас скота с массовыми перекочевками. Данная модель выпаса, будучи важным механизмом адаптации в горах полукочевых и кочевых скотоводов, едва ли имела какое-либо значение для адаптации оседлых земледельцев, каковыми испокон веков являлись равнинные таджики. Поскольку острая экономическая потребность в ней, как уже говорилось, отсутствовала, представляется вполне естественным, что переселенцы предпочли ей другую, привычную для них модель, в рамках которой пастьба и уход за животными закреплялись за пастухами-профессионалами.

Литература

Абаев, В. И. 1973. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*: в 4 т. Т. II. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 449 с.

Андреев, М. С. 1958. *Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)*. Вып. II. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР. 527 с.

Арриан. 1962. *Поход Александра*. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 384 с.

Бобринский, А. А. 1908. *Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и шикашимцы). Очерки быта по путевым заметкам*. М.: Тов. скоропечатни А. А. Левенсон. 151 с.

Бонгард-Левин, Г. М., Грантовский, Э. А. 1983. *От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история*. М.: Мысль. 206 с.

Грантовский, Э. А. 1998. *Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии*. М.: Вост. лит-ра РАН. 343 с.

Грюнберг, А. Л. 1996. Материалы по этнографии дардских народностей Восточного Гиндукуша (долина Дигал). *Кунсткамера. Этнографические тетради*. Вып. 10. С. 310–331.

Грюнберг, А. Л., Стеблин-Каменский, И. М. 1974. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша (Долина Дигал). В: Брук, С. И. (ред.), *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии*. Л.: Наука. С. 276–283.

Гумилев, Л. Н. 1967. *Древние тюрки*. М.: Наука. 504 с.

Елизаренкова, Т. Я. 1999. *Слова и вещи в Ригведе*. М.: Вост. лит-ра РАН. 240 с.

Йеттмар, К. 1986. *Религии Гиндукуша*. М.: Наука. 524 с.

Казначеев, В. П. 1983. *Очерки теории и практики экологии человека*. М.: Наука. 260 с.

Кисляков, Н. А., Писарчик, А. К. (ред.) 1966. *Таджики Каратегина и Дарваза*. Вып. I. Душанбе: Дониш. 381 с.

Коган, А. И.

2005. *Дардские языки: генетическая характеристика*. М.: Вост. лит-ра РАН. 247 с.

2019. Некоторые проблемы изучения Памиро-Гиндукушского региона с позиций социоестественной истории. *История и современность* 1: 3–16. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2019.01.01>.

Кульпин, Э. С.

1990. *Человек и природа в Китае*. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука». 248 с.

1996. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Московский лицей. 200 с.

1999. *Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке (курс лекций)*. М.: Московский лицей. 272 с.

2014. *Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике*. Волгоград: Учитель. 336 с.

Кузьмина, Е. Е. 2008. *Арии – путь на юг*. М.: Летний сад. 558 с.

Литвинский, Б. А. 1972. *Древние кочевники «Крыши мира»*. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука». 272 с.

Мухиддинов, И. 1984. *Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX – начало XX веков)*: дис. ... д-ра ист. наук. М. 445 с.

Стакуль, Дж. 1993. Культура Свата (ок. 1700–1400 гг. до н. э.) и ее северные связи. *Вестник древней истории* 2: 125–127.

Туза, С. 1993. Историко-культурное развитие долины Свата между серединой II тыс. до н. э. и началом новой эры. *Вестник древней истории* 2: 127–131.

Barth, F. 1956. *Indus and Swat Kohistan, an Ethnographic Survey*. Oslo: Forenede Trykkerier. 97 pp.

Biddulph, J. 1880. *Tribes of the Hindoo Koosh*. Calcutta: Elibron Reprint. 164 pp.

Ehlers, E., Kreutzmann, H. (eds.) 2000. *High Mountain Pastoralism in Northern Pakistan*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 211 pp.

Goldschmidt, W.

1971. Independence as an Element in Pastoral Social Systems. *Anthropological Quarterly* 44(3): 132–142.

1979. A General Model for Pastoral Social Systems. In *Équipe écologie et anthropologie des sociétés pastorales. Pastoral Production and Society / Production pastorale et société*. Cambridge: Cambridge University Press; Maison des Sciences de l'Homme. Pp. 15–27.

Jettmar, K.

1960. Soziale und wirtschaftliche Dynamik bei asiatischen Gebirgsbauern (Nordwestpakistan). *Sociologus* 10(2): 120–138.

1995. The Dards and Connected Problems: Giuseppe Tucci's Last Contribution. In Melasecchi, B. (Hg.), *Giuseppe Tucci nel centenario della nascita, Roma, 7–8 giugno 1994*. Rome. Pp. 35–54.

2001. Northern Areas of Pakistan – an Ethnographic Sketch. In Dani, A. H., *History of Northern Areas of Pakistan (up to 2000 A.D.)*. Lahore: Sang-e-Meel Publications. Pp. 68–96.

Kreutzmann, H. 2004. Pastoral Practices and their Transformation in the North-Western Karakoram. *Nomadic Peoples* 8(2): 54–88. DOI: <https://doi.org/10.3167/082279404780446096>.

Kussmaul, F. 1965. Badaxšan und seine Tagiken. *Tribus* 14: 11–99.

Mayrhofer, M. 1963. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A Concise Etymological Sanskrit Dictionary*. Bd. II: D-M. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag. S. 700.

Nüsser, M., Holdschlag, A., Fazlur-Rahman. 2012. Herding on High Grounds: Diversity and Typology of Pastoral Systems in the Eastern Hindu Kush (Chitral, Northwest Pakistan). In Kreutzmann, H. (ed.), *Pastoral Practices in High Asia*. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer. Pp. 31–52.

Olivieri, L. M., Vidale, M., Nasir Khan, A., Saeed, T., Colliva, L., Garbini, R., Langella, L., Micheli, R., Morigi, E. 2006. Archaeology and Settlement History in a Test Area of the Swat Valley. Preliminary Report on the AMSV Project (1st Phase). *East and West* 56(1–3): 73–150.

Parkes, P. 1987. Livestock Symbolism and Pastoral Ideology Among the Kafirs of the Hindu Kush. *Man*, New Series 4(22): 637–660.

Rau, W. 1977. Ist vedische Archäologie möglich? *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement III, 1, XIX: LXXXIII-C.

Robertson, G. S. 1896. *The Kafirs of the Hindu-Kush*. London: Lawrence & Bullen, Ltd. 667 pp.

Snoy, P.

1975. *Bagrot. Eine Dardische Talschaft im Karakorum*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt. S. 245.

1993. Alpwirtschaft im Hindukusch und Karakorum. In Schweinfurth, U. (ed.), *Neue Forschungen im Himalaya, Erdkundliches Wissen*. Vol. 112. Stuttgart: Steiner. S. 49–73.

Stacul, G. 1969. Excavation near Ghālīgai (1968) and Chronological Sequence of Protohistorical Cultures in the Swat Valley. *East and West* 19(1/2): 44–91.

Tucci, G. 1977. On Swāt. The Dards and Connected Problems. *East and West* 27(1/4): 9–103.

Zarin, M. M., Schmidt, R. L. 1984. *Discussions with Hariq: Land Tenure and Transhumance in Indus Kohistan*. Berkeley, CA: University of California, Center for South and Southeast Asia Studies. 70 pp.